

В доме все дела были устроены старым управляющим, и в соответствии с приближающимся праздником, дом Хо также начал украшать себя фонарями и разноцветными тканями. У всех на лицах появилась улыбка, подобающая праздничному сезону. Хо Ци смотрел на красные фонари, качающиеся у входа на ветру. Фонари отбрасывали темно-красные тени на сверкающем белом снегу. В его сердце внезапно возникло чувство раздражения. Не желая нарушать всеобщую радость в доме, Хо Ци тихо вышел из усадьбы.

Идя по улице, он видел, что все дома и особняки по сторонам были полны радостной атмосферы, изредка раздавались хлопки петард, за которыми сразу же следовали возгласы и смех детей, размахивавших руками. Даже у разносчиков, продающих безделушки с коромысла на плечах, лица были озарены улыбками. В это время Шэньюн был действительно процветающим, мирным и спокойным, картиной полного благоденствия, совершенно непохожей на Пинлян.

Повернув за угол, Хо Ци уловил смутные звуки ругани, смешанные со слабыми рыданиями. Звук доносился из-за стены. У Хо Ци не было привычки вмешиваться в чужие дела, он опустил голову и пошел дальше, но вдруг услышал, как молодой человек произнес:

— Смотри, молодой господин, я же говорил, что этот дурачок забавный? Если его ударить — он плачет, дашь ему засахаренный фрукт — сразу же сквозь слезы улыбается, прямо как собака у меня во дворе.

После этих слов из-за стены раздался взрыв смеха.

В столице не так много людей, кого можно было бы называть молодым господином. Хо Ци невольно остановился и вскоре действительно услышал голос Ло Цинъяна.

По другую сторону стены.

Кучка богато одетых юношей окружила угол. В углу, съежившись, сидел невысокий парень. Его роскошная одежда, покрытая грязью, утратила былой блеск. Невысокий широко раскрытыми глазами с ужасом смотрел на толпу над собой, но его выражение лица было тупым, а взгляд рассеянным, что делало его похожим на умственно отсталого.

Ло Цинъян хоть и нахмурился, но не стал заступаться за дурачка.

— Вы и вправду правы, — но неужели вы позвали меня сюда только для того, чтобы посмотреть, как вы дразните дурачка? Это действительно скучно.

Ло Цинъян слегка нахмурил изящные брови, в его голосе звучало недовольство и равнодушие. Подслушивавший Хо Ци вспомнил их последнюю встречу в Высшей школе. Какой бы чистый и неискушенный ни был Ло Цинъян, от аристократической манеры поведения и барских замашек ему было не избавиться.

Затем он продолжил:

— К тому же, разве вы не боитесь, что он пожалуется своему отцу, министру Ху?

— Хе-хе-хе, не беспокойтесь, молодой господин, этот дурачок не посмеет, — словно желая подтвердить свои слова, главарь пнул лежащего на земле юношу.

Тот от боли вскрикнул. Лидер грубо пригрозил:

— Эй, Ху-дурачок, если посмеешь рассказать отцу о том, что сегодня произошло, завтра в школе я тебя отделаю. Говори, посмеешь или нет?

Юноша, названный Ху-дурачком, инстинктивно закрыл голову руками и громко взмолился:

— Не посмею, не посмею! Вы мои друзья, я всегда так и говорю отцу. Ли Цзянь, вы ко мне очень хорошо относитесь.

Получив заверения, Ли Цзянь вновь обернулся к стоявшему рядом Ло Цинъяну с подобострастным выражением лица. Увидев, что тот по-прежнему выглядит незаинтересованным, он забежал глазами и предложил:

— Раз уж молодому господину не нравится дразнить этого дурачка, давайте сменим место и найдем другое развлечение. Я забронировал лучшую комнату в Павильоне мягкой пыли. Будет ли у меня честь пригласить молодого господина разделить со мной вино и веселье?

Ло Цинъян не выносил его подобострастного выражения. Согревая дыханием руки, он посмотрел на окружающий снег и отказался:

— Благодарю за доброе намерение, брат Ли. Но отец-князь велел мне сегодня вечером вернуться в усадьбу для совместного ужина. Не смею задерживаться.

От этого брата Ли у Ли Цзяня подкосились ноги. Весь город знал, что молодой господин из дома князя Аньхэ был необычайно красив, ничуть не уступая своей матери, которая в свое время затмевала своей красотой всю страну. Но те, кто действительно видел его, считали, что внешность Ло Цинъяна даже превосходила материнскую.

Один из стоявших рядом, видя, как Ли Цзянь глупо уставился на Ло Цинъяна и долго не отвечал, поспешил вмешаться:

— Раз таково требование князя, мы не смеем далее задерживать молодого господина, верно, брат Ли?

Ли Цзянь внезапно опомнился, потер руки и подумал, что раз это требование князя, то на этот раз как ни старайся, Ло Цинъяна не удержать. Подняв взгляд, он увидел, что Ло Цинъян выглядит замерзшим, и не удержался, потянув его нефритово-нежные руки к своей груди, сказав:

— Если у господина холодные руки, моя грудь может их согреть. Ваше тело бесценно, а снег сейчас сильный. Может, я лично провожу молодого господина домой?

Этот его жест вызвал не только всеобщий вздох у окружающих, но и Ло Цинъян тотчас с отвращением нахмурился, силой вырвав руки из объятий Ли Цзяня. Ему с трудом удавалось сохранять улыбку на лице. Он уже собирался что-то сказать, как стоявший рядом личный слуга с холодной усмешкой добавил:

— Не смеем беспокоить господина Ли. Разве вы не забронировали место в Павильоне мягкой пыли? Спешите лучше туда. Моего молодого господина мы сами сопроводим.

Получив эту насмешку, Ли Цзянь смутился. Он и злился на дерзкий тон слуги, и чувствовал, что повел себя легкомысленно, на его лице появилась редкая для него краска стыда. Внезапно увидев холодное выражение Ло Цинъяна, он почувствовал и страх — в конце концов, тот был членом императорской семьи, а не актером из увеселительного заведения. Он действительно

повел себя слишком вольно. Поспешно сложив руки в приветствии, он попросил прощения:

— Я был непочтителен. В таком случае, мы не будем более задерживать молодого господина. В следующий раз непременно удостоите нас своим вниманием.

Выражение лица Ло Цинъяна оставалось безразличным. Он коротко ответил и, забрав своих слуг, ушел, оставив эту компанию юношей. Один из них, глядя на Ху-дурачка, съежившегося в углу, на его посиневшие губы, почувствовал необъяснимую жалость и спросил Ли Цзяня:

— Брат Ли, молодой господин ушел. Что нам делать с этим Ху-дурачком?

Ли Цзянь, явно все еще раздраженный тем, что его только что оскорбил слуга, с досадой снова пнул хиленького юношу несколько раз.

— А что с ним делать? Оставим его здесь. А мы, братцы, пойдем в Павильон мягкой пыли как следует выпьем.

В сердце Ли Цзяня еще тлел гнев. Он несколько раз плюнул на Ху-дурачка. Видя, что юноша не оказывает никакого сопротивления, а лишь сильнее съежился в углу, ему стало немного легче. Ругаясь, он повел свою компанию прочь. Только тогда слуги, прятавшиеся вдалеке, осмелились подойти и поднять своего господина, приговаривая:

— И на кого ты похож, тряпка? Как мне достался такой дурачок-господин? Каждый раз тебя бьют, просто...

Хотя он и ворчал, но тщательно вытирал слюну и грязь со своего слабоумного господина — ведь скоро нужно было возвращаться в усадьбу.

Хо Ци, выслушав эту сцену, не задерживаясь, ушел.

В этом мире всегда сильный пожирает слабого. Врожденные недостатки — тоже недостатки.

Пройдя пешком до оживленного района Западного рынка, он увидел множество постоянных дворов, развевающихся вывесок кабачков, полные лавки. На улицах людей было гораздо больше, чем в тех местах, через которые он проходил ранее. Время было уже позднее, Хо Ци слегка проголодался, да и холодно было, поэтому он случайно зашел в винный дом.

Слуга в заведении, повидавший на своем веку множество людей, увидев благородную осанку Хо Ци и его роскошную одежду, сразу же с распеваем подошел и проводил его в отдельную комнату на втором этаже. Хо Ци заказал вино и закуски, и вскоре слуга подал их. Приоткрыв окно, он наблюдал за прохожими на улице.

Повсюду царил шум, толпа была так густа, что люди задевали друг друга плечами, непрерывно двигались повозки и лошади.

Такого зрелища в Пинляне не было, оно даже показалось ему несколько новым.

Пока он пил вино, из соседней комнаты донеслись громкие голоса нескольких людей, горячо споривших, судя по звукам, о деле Отбора невест.

По установлениям этой династии, отбор девушек проводился раз в три года, весной. Как только зима заканчивалась, наступал срок трехлетнего отбора.

Хо Ци покинул Юнцзин много лет назад, и о столичных девицах, которых они обсуждали, он

почти ничего не знал. Даже те немногие, что оставили впечатление, за долгие годы разлуки стали чужими.

— Эй, рассудите по справедливости, по моим стандартам, красавица должна быть не только внешне прекрасна, но и обладать добродетелью и талантом. Поэтому, я считаю, титул первой девицы должен по праву принадлежать второй дочери заместителя министра Ван из Министерства ритуалов. Таланты госпожи Ван очевидны для всех...

Едва он закончил, как кто-то сразу же возразил:

— Древние мудрецы говорили: у женщины отсутствие талантов — это и есть добродетель. Император выбирает наложниц, а не учителей. По-моему, самая красивая красавица в столице — это дочь министра придворных церемоний. Говорят, все, кто ее видел, замирали от изумления, не в силах сдвинуться с места. Разве это не та самая Лофу, описанная в древних одах?

Кто-то добавил:

— Сколько же красавиц в Поднебесной? Как можно утверждать, что столичные девицы окажутся лучшими?

Маленькое театральное представление:

Ли Цзянь: А ручки-то какие нежные.

Хо Ци точит ножи.

<http://bllate.org/book/15614/1393991>